

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦЬКИЙ

Трилогія. Російською мовою (за першодруком).

БУРЯ

Книга вторая

I

Широко раскинулись дремучие леса от северной границы степи Черноморской и до истоков Тясмина, Ингула, Большой Выси и Турьей реки{234}. Раскинулись они темною пеленой, окутали прохладною тенью тихие реки, прозрачные озера, зеленые болота. Шумят над ними могучие, столетние дубы, высокие, светлые ясени, широколиственные клены, раскидистые яворы да мрачные, холодные сосны, не согретые в самый жаркий, солнечный день.

Весело, шумно и привольно в лесах и в безбрежной степи.{235}

Выглянет из за дерева голова буй тура¹, подойдет стадо лосей к воде, промелькнут вдали пугливые серны, или любопытная белка перепрыгнет с ветви на ветвь. Эх, много обитателей в дремучих лесах! Вольно бродить им повсюду: всем хватит и пищи, и места... Разве когда прозвучит в зеленой глубине удалая козацкая песня и всполошит любопытный звериный народ. Много в лесах и непролазных болот, и заповедных тропинок, есть где укрыться и гонимым людям от жестокой панской руки.

Много лилось в этих дебрях неповинной крови, много глушилось стонов под сводами вековых лип, много раздавалось криков отчаянья и безумной отваги... Где ж вы теперь, свидетели давнего горя и славы? Где вы, Мотроновские, Круглые, Лебедянские леса? Где вы, тихие реки, прозрачные озера, безбрежные степи? Остались одни имена ваши среди груды мертвых страниц...

¹ Буй тур — дикий тур.

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦЬКИЙ

Трилогія. Російською мовою (за першодруком).

БУРЯ

Книга вторая

I

Широко раскинулись дремучие леса от северной границы степи Черноморской и до истоков Тясмина, Ингула, Большой Выси и Турьей реки{234}. Раскинулись они темною пеленой, окутали прохладною тенью тихие реки, прозрачные озера, зеленые болота. Шумят над ними могучие, столетние дубы, высокие, светлые ясени, широколиственные клены, раскидистые яворы да мрачные, холодные сосны, не согретые в самый жаркий, солнечный день.

Весело, шумно и привольно в лесах и в безбрежной степи.{235}

Выглянет из за дерева голова буй тура¹, подойдет стадо лосей к воде, промелькнут вдали пугливые серны, или любопытная белка перепрыгнет с ветви на ветвь. Эх, много обитателей в дремучих лесах! Вольно бродить им повсюду: всем хватит и пищи, и места... Разве когда прозвучит в зеленой глубине удалая козацкая песня и всполошит любопытный звериный народ. Много в лесах и непролазных болот, и заповедных тропинок, есть где укрыться и гонимым людям от жестокой панской руки.

Много лилось в этих дебрях неповинной крови, много глушилось стонов под сводами вековых лип, много раздавалось криков отчаянья и безумной отваги... Где ж вы теперь, свидетели давнего горя и славы? Где вы, Мотроновские, Круглые, Лебедянские леса? Где вы, тихие реки, прозрачные озера, безбрежные степи? Остались одни имена ваши среди груды мертвых страниц...

¹ Буй тур — дикий тур.

Пронеслась над роскошным краем буря господня; разметала, сожгла заповедные пущи, высушила реки, засыпала болота. Превратила роскошный край в печальную руину, понагнула головы прежних героев, притупив их к ударам роковой, неотразимой судьбы...

Нет вас, дремучие леса, нет вас и сильные люди! Остались одни лишь могилы да безводные байраки с торчащими пнями на сожженной степи, на широкой братской могиле, что протянулась от Черного моря вплоть до Ингула, до Турьей реки.

Мир вам, великие тени! Спите спокойно! Полегли вместе с вами и ваши верные друзья. Осталась одна только слава, да и та уснула с вами рядом под сырою, холодною землей...

А ударят сильные руки в звонкие струны старой бандуры — и подыметесь она из безмолвных могил и снова полетит на могучих крыльях над заснувшею родною землей!..

Светало. Была пора, когда мрак в дремучем лесу сгущался еще больше, то принимая неясные очертания чудищ, то ютясь черными клубами у корней деревьев; только по световым пятнам, проглядывавшим изредка между густою листвою крон, можно было заметить, что горизонт уже побледнел и что звезды начали уже тонуть в этой прозрачной лазури.

Внизу было страшно сыро и пахло болотом. Хотя это был сентябрь месяц, но утренники донимали уже плохо прикрытого обитателя этих тущоб.

Послышалось вблизи резкое характерное фыркание, затрепал камыш, крикнула всполошенная дикая утка, и опять настало молчание.

Между группою высоких вязей, стоявших на небольшом пригорке, чернело теперь едва заметное отверстие; оно вело в тесное логовище крупного зверя.

— Ох, опять день! — послышался из пещеры слабый стон. — Опять тревога и пепельная мука!.. Брось ты меня, ради бога! Моя жизнь покалечена, а твоя еще пригодится.

— Полно, полно, друже, — ответил на это более нежный и мягкий голос. — То голод и лихорадка навели на тебя отчаяние... И какая клятая доля, — продолжал тот же голос. — Едва спаслись в этой тущобе, как окружила лес конница.

— Не ради нас же?

Пронеслась над роскошным краем буря господня; разметала, сожгла заповедные пущи, высушила реки, засыпала болота. Превратила роскошный край в печальную руину, понагнула головы прежних героев, притупив их к ударам роковой, неотразимой судьбы...

Нет вас, дремучие леса, нет вас и сильные люди! Остались одни лишь могилы да безводные байраки с торчащими пнями на сожженной степи, на широкой братской могиле, что протянулась от Черного моря вплоть до Ингула, до Турьей реки.

Мир вам, великие тени! Спите спокойно! Полегли вместе с вами и ваши верные друзья. Осталась одна только слава, да и та уснула с вами рядом под сырою, холодною землей...

А ударят сильные руки в звонкие струны старой бандуры — и подыметесь она из безмолвных могил и снова полетит на могучих крыльях над заснувшею родною землей!..

Светало. Была пора, когда мрак в дремучем лесу сгущался еще больше, то принимая неясные очертания чудищ, то ютясь черными клубами у корней деревьев; только по световым пятнам, проглядывавшим изредка между густою листвою крон, можно было заметить, что горизонт уже побледнел и что звезды начали уже тонуть в этой прозрачной лазури.

Внизу было страшно сыро и пахло болотом. Хотя это был сентябрь месяц, но утренники донимали уже плохо прикрытого обитателя этих тущоб.

Послышалось вблизи резкое характерное фыркание, затрепал камыш, крикнула всполошенная дикая утка, и опять настало молчание.

Между группою высоких вязей, стоявших на небольшом пригорке, чернело теперь едва заметное отверстие; оно вело в тесное логовище крупного зверя.

— Ох, опять день! — послышался из пещеры слабый стон. — Опять тревога и пепельная мука!.. Брось ты меня, ради бога! Моя жизнь покалечена, а твоя еще пригодится.

— Полно, полно, друже, — ответил на это более нежный и мягкий голос. — То голод и лихорадка навели на тебя отчаяние... И какая клятая доля, — продолжал тот же голос. — Едва спаслись в этой тущобе, как окружила лес конница.

— Не ради нас же?

— Кто их знает! Полеванье, что ли!

— И без конницы я колодою лежу, — простонал другой голос. — Прошмыгнула каторжная пуля ногу, и не повернешь. Хоть лбом бейся, не повернешь. Как будто и не козачья нога.

— Поправится, лишь бы из западни вырваться, — утешал более мягкий голос.

— Горит у меня все, — прошептал после некоторой паузы первый голос. — Хоть бы капельку холодной воды.

— Зараз, зараз, — ответил бодро товарищ, и из норы выползло существо до такой степени исхудалое, что напоминало скорее выходца из могилы. Рубище висело на нем лохмотьями; сквозь дыры светилось изможденное ссадинами и синяками тело; земля во многих местах пристала к нему и свешивалась, держась перепутанными корнями. Глубоко ушедшие в орбиты глаза горели лихорадочным огнем. По внешнему виду трудно было различить пол этого таинственного обитателя, только взбитые копной и перетянутые узлом волосы обличали в нем женщину.

В лесу стало несколько светлее. Клубившийся мрак принял теперь нежные, голубоватые тона и разостлался молочным туманом между гигантских стволов деревьев, не ведавших пока ни пилы, ни секиры.

Как дикий зверь, изгибаясь и пролезая между кустарниками, доползла эта несчастная до источника, зачерпнула в какой то черепок воды, завернула оттуда в другую берлогу, перекинувшись двумя тремя словами с такими же жалкими обитателями, и возвратилась к своему убежищу. Подползая к нему, она заметила, что две лисицы сделали вокруг норы несколько узлов и скрылись в чагарнике: боясь, чтобы следы их не привлекли сюда гончих и доезжачих, она тщательно разбросала слой пожелтевших листьев, а потом уже возвратилась к своему умирающему другу. Тот с жадностью прильнул губами к чистой прозрачной воде и пил ее, дрожа всем телом, пока не почувствовал некоторого облегчения от сведавшего его внутреннего огня.

— Вот еще сыроежек принесла я тебе, — высыпала она из пазухи кучу красноватых грибов. — А Степан наш плох, — доба-

— Кто их знает! Полеванье, что ли!

— И без конницы я колодою лежу, — простонал другой голос. — Прошмыгнула каторжная пуля ногу, и не повернешь. Хоть лбом бейся, не повернешь. Как будто и не козачья нога.

— Поправится, лишь бы из западни вырваться, — утешал более мягкий голос.

— Горит у меня все, — прошептал после некоторой паузы первый голос. — Хоть бы капельку холодной воды.

— Зараз, зараз, — ответил бодро товарищ, и из норы выползло существо до такой степени исхудалое, что напоминало скорее выходца из могилы. Рубище висело на нем лохмотьями; сквозь дыры светилось изможденное ссадинами и синяками тело; земля во многих местах пристала к нему и свешивалась, держась перепутанными корнями. Глубоко ушедшие в орбиты глаза горели лихорадочным огнем. По внешнему виду трудно было различить пол этого таинственного обитателя, только взбитые копной и перетянутые узлом волосы обличали в нем женщину.

В лесу стало несколько светлее. Клубившийся мрак принял теперь нежные, голубоватые тона и разостлался молочным туманом между гигантских стволов деревьев, не ведавших пока ни пилы, ни секиры.

Как дикий зверь, изгибаясь и пролезая между кустарниками, доползла эта несчастная до источника, зачерпнула в какой то черепок воды, завернула оттуда в другую берлогу, перекинувшись двумя тремя словами с такими же жалкими обитателями, и возвратилась к своему убежищу. Подползая к нему, она заметила, что две лисицы сделали вокруг норы несколько узлов и скрылись в чагарнике: боясь, чтобы следы их не привлекли сюда гончих и доезжачих, она тщательно разбросала слой пожелтевших листьев, а потом уже возвратилась к своему умирающему другу. Тот с жадностью прильнул губами к чистой прозрачной воде и пил ее, дрожа всем телом, пока не почувствовал некоторого облегчения от сведавшего его внутреннего огня.

— Вот еще сыроежек принесла я тебе, — высыпала она из пазухи кучу красноватых грибов. — А Степан наш плох, — доба-

вила она. — Заходила к ним, без памяти лежит. Все зовет жену и детей.

Раненый ничего не ответил на это, только со стоном повернулся в берлоге и замолчал.

А у опушки леса уже собралась пышная охота пана старосты; богатством ее он хотел пустить всем пыль в глаза.

Целые полчища доезжачих были одеты в особую форму. Высокие ботфорты, засунутые в них узкие зеленые рейтузы, сверху такого же цвета венгерки с массою переплетавшихся по всем направлениям шнурков и кистей. Каждый из них держал в одной руке на ретязе пять смычков гончих собак огар, в другой — длинный бич. Через плечо имелся небольшой, но звонкий рожок, а за зеленым шелковым поясом у всякого был засунут кинжал и пистоль. Огары, от светло желтой масти до черной с подпалинами, жались к ногам своих доезжачих, жмурились, визжали и, перепутываясь между собою, грызлись с досады; припугнутые бичом, они ложились на спину и покорно, с полным смирением поджимали ноги.

Начальником над доезжачими был, очевидно, шляхтич. Одежда его, такого же типа, отличалась особенною пышностью; она была расшита дорогим гафтом, украшена серебряными аграфами, а шнурки и кисти сверкали золотом.

Борзятники все были на конях быстрых и легких для бешеной скачки; на них был какой то фантастический костюм из коричневого сукна с синим едвобом; на головах были надеты шапочки с плюмажем¹, из перьев крисы вороны. На длинных сворах суетились и прыгали подле них с радостным лаем густопсовые хорты.

Борзятники заняли места подальше вдоль опушки, охраняя всю линию, чтобы зверь не прорвался в открытую безбрежную степь.

Но особою вычурностью отличались костюмы сокольничих и корогутников; они пестрели разноцветными шелками, напоминающая костюмы немецких рыцарей, а чрезмерною яркостью цветов — нарядных шутов.

¹ Плюмаж — украшение из перьев на шапке или женской шляпке.

вила она. — Заходила к ним, без памяти лежит. Все зовет жену и детей.

Раненый ничего не ответил на это, только со стоном повернулся в берлоге и замолчал.

А у опушки леса уже собралась пышная охота пана старосты; богатством ее он хотел пустить всем пыль в глаза.

Целые полчища доезжачих были одеты в особую форму. Высокие ботфорты, засунутые в них узкие зеленые рейтузы, сверху такого же цвета венгерки с массою переплетавшихся по всем направлениям шнурков и кистей. Каждый из них держал в одной руке на ретязе пять смычков гончих собак огар, в другой — длинный бич. Через плечо имелся небольшой, но звонкий рожок, а за зеленым шелковым поясом у всякого был засунут кинжал и пистоль. Огары, от светло желтой масти до черной с подпалинами, жались к ногам своих доезжачих, жмурились, визжали и, перепутываясь между собою, грызлись с досады; припугнутые бичом, они ложились на спину и покорно, с полным смирением поджимали ноги.

Начальником над доезжачими был, очевидно, шляхтич. Одежда его, такого же типа, отличалась особенною пышностью; она была расшита дорогим гафтом, украшена серебряными аграфами, а шнурки и кисти сверкали золотом.

Борзятники все были на конях быстрых и легких для бешеной скачки; на них был какой то фантастический костюм из коричневого сукна с синим едвобом; на головах были надеты шапочки с плюмажем¹, из перьев крисы вороны. На длинных сворах суетились и прыгали подле них с радостным лаем густопсовые хорты.

Борзятники заняли места подальше вдоль опушки, охраняя всю линию, чтобы зверь не прорвался в открытую безбрежную степь.

Но особою вычурностью отличались костюмы сокольничих и корогутников; они пестрели разноцветными шелками, напоминающая костюмы немецких рыцарей, а чрезмерною яркостью цветов — нарядных шутов.

¹ Плюмаж — украшение из перьев на шапке или женской шляпке.

Вся эта яркая картина стройных мысливских команд, обрызганная первыми лучами восходящего солнца, нарушалась задним планом: там стояли целые массы загонщиков, согнанных сюда из нескольких соседних селений. Унылые, исхудалые лица, рваная одежда и тупое равнодушие не гармонировали с праздничным настроением и нарядностью сытой, самодовольной толпы.

На дорогом арабском коне прискакал пышный всадник, очевидно, ясновельможный пан и важный начальник. На нем был роскошный кунтуш из блаватасу, отороченный дорогим соболем. Сбруя на коне и оружие пана сверкали драгоценными самоцветами. Отдуваясь от быстрой езды, он осматривал выпученными глазами охотничьи отряды и подергивал в каком то раздражении свои торчащие и закрученные вверх усы.

— Пане! Пане Ясинский! — крикнул он наконец резко, обратясь в сторону старшего доезжачего.

— Служу пану! — подскакал тот и осадил коня на почтительном расстоянии.

— А что, вое ли готово? — спросил тот у ловничего, подымая искусственно тон.

— Все, как желал егомось, — ответил, наклонив голову, ловничий, — полагаю, что и ясновельможный пан староста, и его именитые гости останутся довольны охотой.

— А много обойдено зверя?

— Штук десять вепрей одинцов, трое зубров, множество серн, оленей... я уже не говорю про барсуков и бобров.

— А этого знаменитого пана писаря нет еще? — спросил, понизив голос, вельможный пан, пристально оглядывая окрестность.

— Приедет, он падок до панской ласки, — пожал презрительно плечами ловничий. — Все они, псы, только из зависти ненавидят шляхту, а дайте им, пане добродзею, почет и пенендзы¹, то такими сделаются заядлыми шляхтичами... Э, пся крев! — махнул он с сердцем рукой.

¹ Пенендзы — деньги.

Вся эта яркая картина стройных мысливских команд, обрызганная первыми лучами восходящего солнца, нарушалась задним планом: там стояли целые массы загонщиков, согнанных сюда из нескольких соседних селений. Унылые, исхудалые лица, рваная одежда и тупое равнодушие не гармонировали с праздничным настроением и нарядностью сытой, самодовольной толпы.

На дорогом арабском коне прискакал пышный всадник, очевидно, ясновельможный пан и важный начальник. На нем был роскошный кунтуш из блаватасу, отороченный дорогим соболем. Сбруя на коне и оружие пана сверкали драгоценными самоцветами. Отдуваясь от быстрой езды, он осматривал выпученными глазами охотничьи отряды и подергивал в каком то раздражении свои торчащие и закрученные вверх усы.

— Пане! Пане Ясинский! — крикнул он наконец резко, обратясь в сторону старшего доезжачего.

— Служу пану! — подскакал тот и осадил коня на почтительном расстоянии.

— А что, вое ли готово? — спросил тот у ловничего, подымая искусственно тон.

— Все, как желал егомось, — ответил, наклонив голову, ловничий, — полагаю, что и ясновельможный пан староста, и его именитые гости останутся довольны охотой.

— А много обойдено зверя?

— Штук десять вепрей одинцов, трое зубров, множество серн, оленей... я уже не говорю про барсуков и бобров.

— А этого знаменитого пана писаря нет еще? — спросил, понизив голос, вельможный пан, пристально оглядывая окрестность.

— Приедет, он падок до панской ласки, — пожал презрительно плечами ловничий. — Все они, псы, только из зависти ненавидят шляхту, а дайте им, пане добродзею, почет и пенендзы¹, то такими сделаются заядлыми шляхтичами... Э, пся крев! — махнул он с сердцем рукой.

¹ Пенендзы — деньги.

— Пан, кажется, недолюбливает их, особенно с того времени, — прищурился язвительно шляхтич, — как побывал в их руках?

— А, будь они прокляты! Разрази их перуны! — побагровел даже от злости Ясинский. — Смерть им и муки!

— Но как ты мог вырваться из рук этого дьявола Кривоноса? Почему он не содрал с тебя с живого шкуры? — допекал пышный пан расспросами и разжигал Ясинскому еще не зажившую рану.

— Единый бог и матка найсвентша спасли меня, — прижал кшижем¹ к груди руки Ясинский. — Ой пане подстароста, если бы ваша мощь знали, что то за бестии, что то за звери! Меня вельможный пан послал тогда известить князя о Кривоносе... Правда, я уже чересчур зарвался своею храбростью, ну, меня и схватили... Натурально, — один на сто, — не устоишь! Перебил я десятка два этой рвани, а все таки взяли, — махал себе в разгоряченное лицо шапкой Ясинский. — Другой бы стал унижаться, проситься, и хлопы бы смиловались; но я не такой: всю родню ихнюю распотрошил, а кто ближе подойдет — в ухо! Не могу, гонор есть! Ну, меня этот двуногий сатана велел было вешать, но Чарнота просил остановить казнь и подождать Хмельницкого, что тот, мол, натешится... Обрати, пане, внимание, что этот тайный и ловкий зрадник в одной шайке с ними... Вот меня связали, заткнули рот и бросили пока в балке под Жовнами, прикрыв хмызом, а сами отправились, кажись, под Лубны... Лежу я день, лежу другой, вижу, конец приходит. Начал я выть и веревки рвать, ничего! Веревки только врезаются в тело, хмыз колет глаза, лицо, земля лезет в горло, а вытье мое еще примануло волков. Вижу, конец. Начал молитву читать. Вдруг что то — тарах, тарах! И на меня! Я обмер. А это был именно мой спаситель: какой то хлоп ехал, лошадь его испугалась волков, ударила в сторону и опрокинула повозку на меня. Таким образом был я обнаружен и спасен, — расстегнул даже от волнения жупан Ясинский.

— Так ты готов им мстить? — спросил подстароста, понизив голос и пронизывая Ясинского пытливым взором.

¹ Кшижем — крестом, накрест.

— Пан, кажется, недолюбливает их, особенно с того времени, — прищурился язвительно шляхтич, — как побывал в их руках?

— А, будь они прокляты! Разрази их перуны! — побагровел даже от злости Ясинский. — Смерть им и муки!

— Но как ты мог вырваться из рук этого дьявола Кривоноса? Почему он не содрал с тебя с живого шкуры? — допекал пышный пан расспросами и разжигал Ясинскому еще не зажившую рану.

— Единый бог и матка найсвентша спасли меня, — прижал кшижем¹ к груди руки Ясинский. — Ой пане подстароста, если бы ваша мощь знали, что то за бестии, что то за звери! Меня вельможный пан послал тогда известить князя о Кривоносе... Правда, я уже чересчур зарвался своею храбростью, ну, меня и схватили... Натурально, — один на сто, — не устоишь! Перебил я десятка два этой рвани, а все таки взяли, — махал себе в разгоряченное лицо шапкой Ясинский. — Другой бы стал унижаться, проситься, и хлопы бы смиловались; но я не такой: всю родню ихнюю распотрошил, а кто ближе подойдет — в ухо! Не могу, гонор есть! Ну, меня этот двуногий сатана велел было вешать, но Чарнота просил остановить казнь и подождать Хмельницкого, что тот, мол, натешится... Обрати, пане, внимание, что этот тайный и ловкий зрадник в одной шайке с ними... Вот меня связали, заткнули рот и бросили пока в балке под Жовнами, прикрыв хмызом, а сами отправились, кажись, под Лубны... Лежу я день, лежу другой, вижу, конец приходит. Начал я выть и веревки рвать, ничего! Веревки только врезаются в тело, хмыз колет глаза, лицо, земля лезет в горло, а вытье мое еще примануло волков. Вижу, конец. Начал молитву читать. Вдруг что то — тарах, тарах! И на меня! Я обмер. А это был именно мой спаситель: какой то хлоп ехал, лошадь его испугалась волков, ударила в сторону и опрокинула повозку на меня. Таким образом был я обнаружен и спасен, — расстегнул даже от волнения жупан Ясинский.

— Так ты готов им мстить? — спросил подстароста, понизив голос и пронизывая Ясинского пытливым взором.

¹ Кшижем — крестом, накрест.